

13. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С. Токарев М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. I. 671 с.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. II. 719 с.
15. *Питина С. Ф.* Мендельсон-Бартольди. Инструментальная музыка // Музыка Австрии и Германии XIX века: Книга вторая / Ред. Т. Цытович. М.: Музыка, 1990. С. 44–91.
16. *Тюлин Ю.* О программности в произведениях Шопена. Л.: Музгиз, 1963. 55 с.
17. *Шуман Р.* О музыке и музыкантах. Собрание статей в двух томах / Сост., вступит. статья и коммент. Д. Житомирского. М.: Музыка, 1975. Т. I. 408 с.
18. *Шуман Р.* О музыке и музыкантах. Собрание статей в двух томах / Сост., текстологич. ред., вст. статья, коммент. и указатели Д. Житомирского. М.: Музыка, 1979. Т. II-Б. 536с.
19. *Botstiber H.* Beethoven und die deutschen Romantiker / Geschichte der Ouverture und der freien Orchesterformen. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf & Hartel, 1913. S. 164–186.
20. *Tovey D. F.* Mendelssohn / Tovey D. F. Essays in musical analysis. Illustrative music. London, Oxford university press, 1972. Vol. IV. S. 90–109.

Olga ONEGINA S. M. Liapunov in emigration

The article elucidates the last period of life and work of the well-known Russian composer Sergey Liapunov (1859–1924). The archive materials having studied by the author give the possibilities to elicit some unknown facts of Liapunov's creative biography, to determine the motives of his emigration and to describe the composer's life in Paris.
Key words: Sergey Liapunov, creative biography.

Ольга ОНЕГИНА С. М. Ляпунов в эмиграции

Статья посвящена последнему периоду жизни и деятельности известного русского композитора С. М. Ляпунова. Изучение архивных материалов позволило автору обнаружить новые факты творческой биографии Ляпунова, установить причины его отъезда за границу в 1923 г. и охарактеризовать парижский год жизни композитора.
Ключевые слова: Сергей Ляпунов, творческая биография.

В историю отечественной музыкальной культуры Сергей Михайлович Ляпунов вошел, прежде всего, как один из самых последовательных представителей балакиревской школы. Особый интерес С. М. Ляпунова к сочинениям композиторов «Могучей кучки» и многолетнее творческое содружество с М. А. Балакиревым предопределили избранное им направление в музыкальном искусстве, которому он остался верен до конца жизни. Получив профессиональное музыкальное образование как композитор и пианист сначала в музыкальных классах при Нижегородском отделении РМО (1873–1878), а затем в Московской консерватории (1878–1883), С. М. Ляпунов решил связать свою дальнейшую судьбу с Петербургом.

Переезд в столицу имел огромное значение для композитора, так как этим для него решался глобальный вопрос выбора дальнейшего пути в музыке. Внутренне отвергнув московскую композиторскую школу, С. М. Ля-

пунов остался равнодушным к ее тенденциям в музыкальном искусстве и уже во время обучения в консерватории почувствовал серьезное влечение к творчеству М. А. Балакирева и других петербургских музыкантов. «Я намерен окончательно проститься с Москвой: после того, что я нашел здесь¹, как был принят, я не могу решиться опять ехать в Москву, чтобы погрязнуть там среди бездарностей и ретроградов, — писал молодой музыкант своей тете А. М. Шипиловой вскоре после окончания консерватории. — В Москве нет ни музыкальных кружков, состоящих из талантливых композиторов, как здесь балакиревский кружок; нет там ни любителей, дилетантов, которые обладали бы вкусом и пониманием; вдобавок к этому там нет русских музыкантов. Если бы я поселился в Москве, профессора-немцы стали бы ко мне относиться покровительственно и снисходительно, не как к себе равному, но вскоре подобные отношения сменились бы враждебными, потому что я не могу согла-

¹ В Петербурге.

шаться с их рутинными взглядами и с их ремесленническим отношением к искусству. Пабст² мне советовал поселиться в Москве, потому что в Москве больше платят за уроки. У всех этих господ самое высшее в искусстве — плата, и для этого они всем жертвуют»³.

Осенью 1885 года С. М. Ляпунов переселился в Петербург, надеясь целиком посвятить себя любимому искусству. Однако романтические мечты молодого выпускника консерватории о возможности прожить только на заработки от частных уроков довольно быстро развеялись. На протяжении многих лет композитора сопровождали серьезные материальные затруднения и необходимость содержать большую семью. «Поэтические грезы и высокие надежды, когда приходят в соприкосновение с действительностью, обыкновенно разлетаются в прах, — писал С. М. Ляпунов своей будущей жене Е. П. Демидовой 4 ноября 1891 года. — Так было и со мной: когда я приехал сюда⁴ несколько лет тому назад, у меня были мечты о возможности существовать с помощью одного искусства, у меня были не соответствующие действительности понятия о свободе и высоком назначении искусства, вследствие чего считал, что художник должен существовать с помощью своего свободного труда и потому отказывался вступить на какую бы то ни было службу, кроме музыкальной. Но единственное, что есть в музыкальном мире — консерватории, переполнены, так что туда попасть нет возможности [...]. Но до сих пор я оставался верен своему решению, хотя более близкое знакомство с действительным положением искусства и давание частных уроков изменили мой взгляд на так называемый „свободный труд“ художника. Единственная свобода, которая в этом труде заключалась — это та, что я мог ранней весной кончать свои занятия и уезжать в деревню, куда меня постоянно тянуло. Но за право пользоваться этой свободой я должен был платить самой жизнью, потому что „свободный труд“ давал заработок очень неверный и незначительный, и я поневоле должен был жить бездомно, не имея возможности хоть сколько-нибудь изменить свой образ жизни. Вдобавок к этому уроки приходится давать обыкновенно лицам, которым следовало бы законом запретить даже думать о музыке, и вследствие этого „свободный труд“ выходит своего рода профанацией искусства, производит пресыщение скверной музыкой и отбивает охоту работать самому»⁵.

Прожив несколько лет на доходы от уроков, С. М. Ляпунов пришел к выводу о необходимости искать работу. Послужной список композитора за 1888–1923 годы весьма внушительен: он давал уроки музыки в Николаевском кадетском корпусе, служил в Государственном контроле в качестве чиновника особых поручений, был членом-сотрудником Песенной комиссии Императорского Рус-

ского географического общества, занимал место помощника управляющего Придворной певческой капеллой, работал в должности старшего преподавателя музыки Института св. Елены, был директором Бесплатной музыкальной школы, принимал участие в деятельности Бесплатных музыкальных классов имени М. И. Глинки при городских начальных школах (в 1913 году был избран председателем педагогического совета этого учебного заведения). В 1910 году началась преподавательская деятельность С. М. Ляпунова в качестве руководителя фортепианного класса Петербургской консерватории (с 1917 г. он вел в консерватории также классы инструментовки, контрапункта и фуги). В 1919 году С. М. Ляпунов стал профессором Государственного института истории искусств (где читал лекции по истории русской музыки) и заведующим 4-го Государственного музыкального техникума. Кроме того, все это время творческая деятельность С. М. Ляпунова была тесно связана с русской православной культурой. За годы работы в Придворной певческой капелле композитор оказал заметное влияние на развитие хорового искусства и регентства в России. В 1919 году он был избран старостой церкви Рождества Пресвятой Богородицы при Петроградской консерватории и стоял у истоков возникновения в консерватории дисциплины, связанной с исследованием русской духовной музыки.

Педагогическая работа и многочисленные должностные обязанности отнимали силы и время, необходимые С. М. Ляпунову для главного дела его жизни — сочинения музыки. Композитора раздражали постоянно возникающие конфликты на службе, обилие бездарных учеников, отсутствие нормальных условий для творчества. Мысли о возможном, пока, правда, временном выезде за границу появляются в его письмах к родным уже в 1890-х годах. «Как бы хотелось вырваться из всей окружающей обстановки хоть на время, забыть все, Капеллу, служебные дрязги, все личные столкновения и уехать куда-нибудь подальше в хороший климат и спокойное место, пожить и поработать на свободе. Сколько есть вопросов, помимо музыки, которыми бы хотелось заняться, да и в музыке помимо творчества есть масса вопросов, которые совсем не разработаны, отчего столько недоразумений является в оценке деятельности великих мастеров и в оценке их произведений. Надо уехать или в деревню или за границу, чтобы вырваться из душной окружающей атмосферы. В какое скверное время мы живем! Как неизменно и пошло все окружающее общество, наша интеллигенция без всяких интеллектуальных способностей! И вместе с этим как все основано на подлости и личном произволе! Все ожидаешь, что когда-нибудь это кончится, но кажется, этому не будет конца. Подчас мне приходит желание подобно Глинке уехать

² Ляпунов учился у П. А. Пабста в Московской консерватории в 1881–1883 гг.

³ Письмо от 18 марта 1884 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 87. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1884.

⁴ В Петербург.

⁵ ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 83. Л. 22.

из России, плюнув назад и сказав „если бы мне никогда этой скверной страны не видеть!“ Но я знаю, что эта самая „скверная“ страна дороже мне всякой другой, и я никогда не примирюсь ни с какой чужой, хотя бы она была образцовой во всех отношениях. Мне уже противно, как я попал еще в России в старо-немецкие города. Да и куда я поеду? Проехать на время — другое дело»⁶.

Период творческой зрелости С. М. Ляпунова пришелся на время больших социальных потрясений, которые будоражили Россию на рубеже веков. Общественная жизнь в условиях двух революций, первой мировой и гражданской войн не могла не повлиять на развитие искусства, вызвав обострение творческих противоречий между приверженцами устоявшихся традиций русской музыкальной классики XIX века и сторонниками новых направлений — декадентства и модернизма. До конца оставаясь в своем творчестве на позициях балакиревской школы, С. М. Ляпунов критически относился к попыткам «изобрести что-то новое», которые, по его мнению, предпринимались некоторыми композиторами лишь ради стремления выделиться и погони за экстравагантностью.

Переломным в биографии композитора стал 1910 год — год смерти М. А. Балакирева. «После смерти Балакирева, казалось, связь папы с Петроградом порвалась, — вспоминал сын Ляпунова Юрий, — и хотя он и поступил осенью 1910 года в Консерваторию, он считал свое положение там непрочным, общественности всегда чуждался, себя считал для деятельности профессора или администратора непригодным»⁷. Постепенно пошла на спад композиторская деятельность С. М. Ляпунова, в 1917–1923 годах полностью прекратились и его концертные выступления в качестве пианиста. В ответ на предложение своего друга, дирижера Мариинского театра А. А. Бернарди написать оперу, композитор жаловался на отсутствие внимания к своим произведениям со стороны русских музыкантов: «Что же касается якобы „заслуженной славы“, которой вы меня прельщаете, то я в этом отношении не поддаюсь никаким иллюзиям. Заслуженно или нет, но сочинения мои до сих пор игнорируются представителями музыкального мира, и нет никакого основания ожидать иного отношения к будущей моей опере, если ей суждено появиться на свет. Не то теперь время [...]. Консерватория как ни много берет времени все же остается чисто внешней почвой соприкосновения с музыкантами, и не мне вам разьяснять цену этих отношений: вы отлично знаете, что иногда скрывается за наилюбезнейшими комплиментами и восторгами»⁸.

Тяготы революционного времени действовали на С. М. Ляпунова угнетающе. В письмах к родным он жа-

ловался на трудные условия быта, плохое самочувствие, голод и холод, невозможность готовиться к концертам и сочинять. Все чаще проскальзывала мысль о необходимости отъезда за границу. «Одно могу сказать, что делаю не то, что был бы должен делать, и что составляет цель и обязанность моей жизни. И не столько времени, в смысле количества часов, не хватает, сколько все оно разорвано, и нет возможности ни на чем сосредоточить свое внимание. Приходя на занятие в консерв[аторию], я должен помнить, чтобы вовремя получить хлеб, пока не закрыли кооператив, иначе останемся без него. В школе, которой заведываю, должен выслушивать и обучать музыке тех, кому следует воспретить заниматься музыкой по бездарности к ней. Читаю лекции по истории русской музыки в институте истории искусств — предмет и серьезный и интересный, но требующий усидчивой работы, справок с источниками и образцами, а таковых нет возможности достать [...]. А сколько теряется времени на разные заседания, советы в 3 учреждениях, в кот[орых] я служу, по большей части совершенно понапрасну. На собственную, главную работу не остается времени, не говоря уже о том, что зимой я не мог писать из-за холода. С ужасом вспоминаем о прожитой зиме; казалось, что необходимо куда ниб[удь] уехать. Но в России нигде не лучше для нас, образованных людей с известными духовными запросами. Единственный выход — уехать за границу — пока совершенно немыслим. Будь я один, может быть, проскочил как-нибудь, но как я брошу семью, а уехать всем нет возможности. К тому же здесь мы все при деле, и нашего заработка сообща хватает на поддержание нашей жизни. Во всяком другом месте вопрос о существовании становится ребром»⁹.

С. М. Ляпунова раздирали внутренние противоречия: с одной стороны, отсутствие условий для нормальной жизни и работы на Родине, с другой — полная неопределенность относительно перспектив в чужой стране и неизбежное расставание в случае эмиграции с семьей. В начале 1920-х годов он находился в состоянии, граничащим с полным отчаянием. Осознать и принять события бурной, переломной эпохи войн и революций в России оказалось С. М. Ляпунову не под силу. «Папа, по-моему, ослабел скорее умственно, — отмечала дочь композитора А. С. Ляпунова. — Он многого не понимает, скоро забывает, не соображает, не может привыкнуть и примириться с настоящими условиями. [...] Иногда папу увлекают новые течения и горизонты в музыкальном деле, а потом он вновь впадает в пессимизм и не хочет ни работать ни писать при существующих порядках»¹⁰.

Страшнее голода и холода для С. М. Ляпунова было ощущение творческого застоя, собственной бесполезности, одиночества в консерваторской среде. «Чувствую,

⁶ Письмо Ляпунова к жене из Ревеля от 23 августа 1896 г. ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 85. Л. 12-об.-13.

⁷ Ляпунов Ю. С. Дневник. ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 241. С. 215.

⁸ Письмо Ляпунова к А. А. Бернарди от 18/31 января 1917 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 88. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1917, 18/31.01.

⁹ Письмо Ляпунова к его кузине С. С. Шпиловой от 4 августа 1920 г. ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 96. Л. 21–21-об.

¹⁰ Письмо (не закончено и не отправлено) А. С. Ляпуновой к Ю. С. Ляпунову от 06/19 января 1920 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 88. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1920, 06/19.01.

что поездка была бы мне необходима, если я еще должен работать [...]. Если же моя работа окажется излишней, то лучше бы — конец: жить и устал, и неинтересно [...]. Хотя я не был близок ни с кем из своих сослуживцев по консерватории, все таки мои сверстники профессора являлись для меня представителями пережитой нами музыкальной эпохи, из которой теперь остались в живых только я да Глазунов, который, впрочем, моложе, а мои сверстники все перемерли. Невольно возникает вопрос: не пора ли и мне?»¹¹.

В марте 1922 года на С. М. Ляпунова было заведено уголовное дело за отказ выдать ключи от консерваторской церкви во время акций по изъятию церковных ценностей в Петрограде. В результате громкого судебного процесса он был осужден на шесть месяцев лишения свободы условно. Это еще больше подорвало здоровье композитора, который уже несколько лет страдал от переутомления и сильного нервного расстройства. Дальнейшее пребывание в России стало просто невыносимым. «Уехать бы за границу [...], — писал он С. С. Шипиловой. — Здесь я не поправлюсь, а к работе становлюсь уже неспособен. Да и устал, до того устал, что лег бы, да никогда бы и не просыпался!»¹². И в другом письме: «Я продолжаю мечтать о заграничье, и теперь, кажется, это более осуществимо, чем в прошлом году. Устал от непрерывного занятия ненавистными мне уроками, устал от постоянного слушания всякой музыки, устал от отсутствия привычной своей работы, устал, наконец, просто жить бесцельной жизнью троглодита»¹³.

В конце августа 1923 года С. М. Ляпунов получил в консерватории отпуск, осенью выехал в Германию и оттуда во Францию. Обосновавшись в Париже в семье А. А. Бернарди, музыкант возобновил концертную деятельность. В течение сезона 1923–1924 годов он трижды выступил в качестве пианиста с исполнением своих сольных фортепианных пьес, Секстета, Второй симфонии и оркестровой Баллады в переложении для двух роялей (с французским пианистом М. Дюменилем). «Через 2 недели — 18 марта я вновь здесь выступаю в концерте в качестве пианиста и композитора, буду играть Сонатину и три этюда: Трезвон, Колыбельную и Былину [...], — писал композитор родным. — После этого у меня будут переговоры относительно Брюсселя. Может быть, удастся там выступить <...>. Хочу весной еще устроить здесь свой концерт, где буду играть все этюды; хотелось бы сыграть где-нибудь „Украинскую рапсодию“. За всеми этими хлопотами не остается времени для сочинения, но я убедился, что без самостоятельного концертного выступления не двинешь дела, и волей-неволей приходится приниматься за игру самому»¹⁴.

Хотя подготовка к концертам отнимала много времени, С. М. Ляпунов чувствовал себя гораздо лучше. Не было необходимости утомлять себя уроками и сидеть на многочасовых экзаменах, слушая далеко не образцовое ученическое исполнение и «забивая уши» музыкой подчас самого дурного тона. Во Франции его произведения пользовались успехом, и он впервые почувствовал себя востребованным и как композитор, и как пианист. Профессора Парижской консерватории (в том числе М. Лонг) охотно задавали своим ученикам сочинения С. М. Ляпунова и нередко направляли молодых исполнителей к автору для консультаций по поводу интерпретации той или иной пьесы. Композиторская деятельность тоже не была оставлена им окончательно. «Это время я работал над сочинением и написал сюиту для фортепиано из 6 пьес, которая будет называться „Скоморохи“ и представляет ряд картин, танцев и игр, — писал он семье в августе 1924 года. — Я думаю, что она может иметь здесь успех, ее можно приспособить и к сценическому представлению»¹⁵. «После того, как я написал фортепианную сюиту, я еще сделал переложение из „Сорочинской ярмарки“ Мусоргского для фортепиано. Сделал это в виде самостоятельной фортепианной пьески, не особенно трудной»¹⁶.

31 октября 1924 года С. М. Ляпунов выступил на открытии Русской народной консерватории в Париже, сыграв в собственном переложении для двух роялей увертюру из оперы «Руслан и Людмила» М.И. Глинки в дуэте с С. С. Прокофьевым. Музыкант строил многочисленные планы на будущее, намереваясь дать целую серию авторских концертов, вел переговоры с управляющим фирмой «Стейнвей» по поводу возможных гастролей в Америке: «Планов у меня на зиму много: хочу играть и концерты и Украинскую рапсодию, и еще повторить Секстет, и все этюды. Что из этого удастся выполнить — Бог весть!»¹⁷. Но судьба распорядилась так, что ничего из намеченного С. М. Ляпунов не смог претворить в жизнь: за несколько часов до начала первого из своих концертов, 8 ноября 1924 года композитор скорострительно скончался от сердечного приступа.

До сих пор не обнаружена часть рукописного наследия С. М. Ляпунова, которая осталась во Франции после его смерти. В архиве композитора сохранился список его произведений (в рукописях), взятых им за границу на случай возможного исполнения на концертах¹⁸. Это были: Вторая симфония (партитура, переложение для фортепиано в 4 руки, оркестровые голоса), кантата «Вечерняя песнь» для тенора, хора и оркестра (партитура и переложение для голоса с фортепиано), фортепианный Секстет (партитура и голоса), Скрипичный концерт (парти-

¹¹ Письмо Ляпунова к С. С. Шипиловой от 12 декабря 1922 г. ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 88. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1922, 22.12.

¹² Письмо от 19 марта 1923 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 88. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1919–1923.

¹³ Письмо к С. С. Шипиловой от 2 июня 1923 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 88. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1923, 02.06.

¹⁴ Письмо от 4 марта 1924 г. // ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 94. Л. 64.

¹⁵ Письмо от 1 августа 1924 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 88. Картотека А. С. Ляпуновой. Карточка от 1924, 01.08.

¹⁶ Письмо от 23 августа 1924 г. Там же. Карточка от 1924, 23.08.

¹⁷ Письмо Ляпунова от 20 сентября 1924 г. ОР РНБ, ф. 451, оп. 2, ед. хр. 94. Л. 109-об.

¹⁸ ОР РНБ, ф. 451, оп. 1, ед. хр. 464.

тура и переложение для скрипки с фортепиано). Издание этих сочинений впоследствии состоялось только благодаря копиям, оставленным С. М. Ляпуновым на родине. Композитор также увез с собой папку с неоконченными сочинениями и черновыми набросками, содержание которой неизвестно.

В течение многих лет А. С. Ляпунова предпринимала попытки разыскать утерянные архивные материалы своего отца. Она вела активную переписку и лично беседовала со многими русскими и зарубежными деятелями культуры, которые входили в круг его общения в России и во Франции и могли предоставить какие-либо дополнительные сведения о композиторе. «К сожалению, Ваши сведения о моем знакомстве с Сергеем Михайловичем не точны, — отвечал на запрос А. С. Ляпуновой о местонахождении рукописи Второй симфонии Б. Н. Александровский, близкий друг А.А. Бернарди. — Видеть его лично я не имел счастья. Он скончался в 1924 году, а я приехал в Париж в 1926 году. Все, что я знаю о нем, об его последних днях и о его смерти, я узнал от Л. А. Рапапорт и ее отца Александра Александровича Бернарди, с которым я был очень дружен [...]. Вот что я слышал о ней¹⁹ от Ал. Ал. Бернарди (далее в письме цитируется рассказ А. А. Бернарди — Примеч. мое. — О. О.):

„Когда умер Сергей Михайлович, я (Ал. Ал. Бернарди) передал из чувства лояльности все его вещи и все его рукописи его ближайшим свойственникам — семье Демидовых²⁰. Я глубоко раскаиваюсь сейчас в этом (разговор этот происходил в сороковых годах незадолго до смерти Ал. Ал.²¹), ибо эта передача, по-видимому, поведет или уже повела к гибели этого бесценного для музыкальной культуры материала и в частности рукописи партитуры Второй симфонии, которую Сергей Михайлович закончил в Париже и которую он мне наигрывал. В ней есть народные темы, и вся она представляет собою орус, вполне достойный других произведений Сергея Михайловича. Демидовы отнесли к переданному им наследству безобразно: они свалили ящики с нотами в погреб и не заглядывали в этот ящик 19 лет“.

Вскоре Ал. Ал. умер. Перед смертью он завещал своей дочери и мне, ближайшему его другу, во что бы то ни стало спасти драгоценные рукописи. Мы с Людмилой Александровной делали все возможное, чтобы получить от Демидовых это рукописное наследство — увы, напрасно! Мы привлекали к этому делу Н. Н. Черепнина, который столь же энергично хлопотал по этому делу — тоже безрезультатно. Шла оккупация Парижа гитлеровцами. Демидов-отец был тяжело болен. Демидов-сын (сверстник Людмилы Александровны) наотрез отка-

зался что-либо сделать, ссылаясь на то, что „теперь не время заниматься симфониями“, и что „прежде чем не будет съедена лежащая в погребе картошка, к ящикам с нотами нельзя даже и приблизиться“. Вскоре умер и Н. Н. Черепнин. Дело с рукописями заглохло. Демидовы остались непреклонными в своем нежелании сделать что-либо для спасения рукописей. По приезде в СССР я поставил в известность о всем вышеизложенном редакцию „Советской музыки“. Я получил от нее ответ (это было в 1950 или 1951 годах), что при посредстве атташе по делам культуры при посольстве СССР в Париже будет сделано все, что возможно, чтобы спасти драгоценное рукописное наследие от гибели, если оно уже не погибло. Дальнейшее мне неизвестно²².

Поиски, предпринятые В. И. Полем и А. Н. Черепниным — представителями музыкального издательства М. П. Беляева, также не дали никакого результата. В очередном письме к Б. Н. Александровскому А. С. Ляпунова сообщила о своем решении еще раз обратиться за сведениями о рукописях к семье Демидовых. «По моему мнению, новый запрос о судьбе рукописей совершенно бесполезен, — отвечал Б. Н. Александровский. — Рукописи погибли, это — факт. А в ответ на Ваше письмо И. Демидов, как подсудимый, будет всячески оправдываться. Проверить справедливость этих предполагаемых оправданий никто, конечно, не сможет»²³.

Вся жизнь С. М. Ляпунова может служить примером высокого служения отечественной музыкальной культуре. Слишком тяжелый след оставили в душе композитора революционные годы. Он потерял трех сыновей и чудом избежал катастрофических последствий своей православной деятельности. Оказавшись в советской России фактически персоной non grata, музыкант был вынужден принять нелегкое для себя решение об эмиграции, но остался при этом исконно русским человеком. С. М. Ляпунов никогда не претендовал на роль пропагандиста-просветителя и активного борца за определенные художественные идеалы подобно А. Г. Рубинштейну и М. А. Балакиреву, не обращал внимания на модные веяния и вкусы толпы, не ставил внешний успех во главу угла. Всегда честный в своем творчестве перед самим собой и окружающим миром, он с редким постоянством придерживался выбранного музыкального направления. Во всех видах деятельности, которыми С. М. Ляпунову приходилось заниматься в течение жизни, он проявлял исключительную принципиальность и бескомпромиссность, считая, что художник не должен оказаться ниже тех высоких идей, которые проповедует настоящее искусство.

¹⁹ Речь здесь идет о Второй симфонии Ляпунова, однако, сведения Б. Н. Александровского можно, вероятно, отнести ко всем утерянным в Париже рукописям композитора.

²⁰ Игорь Платонович и Игорь Игоревич Демидовы — родной брат и племянник жены Ляпунова — Евгении Платоновны Ляпуновой (в девичестве Демидовой).

²¹ Бернарди (ремарка Б. Н. Александровского).

²² Письмо к А. С. Ляпуновой от 19 июня 1959 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 255. Л. 1–2-об.

²³ Письмо от 24 августа 1959 г. ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 255. Л. 8.